

Бардак на Чердаке

16+

Андрей Смирягин

Андрей Смирягин

Бардак на чердаке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62983812

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03441-9

Аннотация

Сборник юмористических рассказов, веселых размышлений о жизни, новелл о любви и уморительных афоризмов. Настольная книга, чтобы поднять настроение в любых жизненных ситуациях.

Содержание

1. Бардак на Чердаке	4
Малыш	4
Учитесь Стрелять!	8
Теорема Пифагора	12
Папаша	20
Поцелуй	25
Экзамен	28
Чудо Резинового Века	32
Автобус	38
Ищу Друзей	43
Моя Лениниана	48
Обои	52
Телевидение, Как Оно Есть	56
2. Смешной Народ	63
Она	63
Из Зазеркалья	69
Кирпич	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

1. Бардак на Чердаке

Мальш

...И не надо прислонять к животу ухо и задавать идиотский вопрос. Не надо! Мальчик я или девочка? Мальчик я, мальчик! Или девочка? Попробуй здесь в темноте разобраться.

Моя мамаша непременно хочет, чтобы я был парнем. Мальчику проще – мальчику замуж выходить не надо.

А мне чего-то не хочется. Мужики все ненормальные какие-то. Мой дед, например. Через каждые полчаса орет: «Началось, началось! Скорую, скорую!» И так уже пятый месяц.

Папаша мой тоже ненормальный. Бросил нас, когда мне и трех месяцев от зачатия не исполнилось. Говорит, еще неизвестно, чей я ребенок. Как это чей?! Как это чей? Я что, не помню, что ли, чей! Да я каждого по голосу узнаю – не отвертитесь.

Девочкой тоже быть не очень и охота.

Ну, допустим, бабушка у меня еще ничего. Она у нас в ресторане работает. Без нее мама и я давно бы умерли с голоду. Моя добрая бабушка нам про это каждый день напоминает.

А подруги мамины? Тсс... Только тихо. Не любят они меня. Говорят, что от меня избавляться надо. Чего я им сделал? Говорят, что если будет девочка, то будет несчастной,

как они, а если будет мужик, то лучше этого гада заранее прибить.

Во! Снова пришли советы давать, как нам с мамой выкидыш сделать. Ванную с горчицей, по их совету, мы уже принимали. Иглами кололись. Вчера нас даже скелетом из-за угла пугали. Мамка едва зайкой не стала, а я от смеха чуть не выкинулся.

А сегодня решено со шкафа прыгнуть. И раз, и два, и три! Полетели! Клевое ощущение! Как на самолете. Правда, немного из иллюминатора дует, но все равно здорово. Маманю вот только жалко – мне-то ничего, а она при заходе на посадку весь зад отбила.

Дуры бабы, зря стараются. Я вообще отсюда выходить не намерен. Чего я там у вас не видел? Ваших проблем, что ли?! Короче, решил держаться за ребра до последнего.

Вот и сейчас моя маманя в очереди стоит. Очередь странная какая-то. Одни слепые. Все толкаются, на ноги наступают, а как на цены посмотрят, так прищурятся, и переспрашивают, сколько, сколько?!

Гражданин сзади, не толкайтесь своим пузом! Тоже, что ли, беременный? А чего ребенок так странно булькает? Утонул, что ли?

И вы, мужчина впереди, не давите на живот. Не мне – маме. Извинился! Он еще издевается. И сумку до дому донести взялся. Ну точно недоношенный. Не видит, что мы беременные?! Телефон позвонить спрашивает. Говорит, что это

любовь с первого взгляда. Он к тому же еще и debil. Разве в наше время с первого взгляда в кого-нибудь влюбляются? Я понимаю, взгляда со второго или с третьего.

Дура! Телефон не дала, да еще соврала, что у нее строгий и ревнивый муж. А меня ты спросила? Может, я о таком отце всю беременность мечтал, а у нее телефона лишнего не нашлось.

Эй, приятель, стой! Стоять, я тебе говорю! Ты моей ду-ре-то не верь. Ты мне верь! Нет у нас мужа никакого – одни сволочи. Муж нам во как нужен!

Отец! Батяня! Папка! Папулечка!.. Зараза! Ушел! И этот ушел! И нашу сумку с собой унес. Наверное, от волнения. Тут и мамка моя чего-то разволновалась.

Ой, мамочки! Кажется, начались эти, как их там, схватки! Во, как маманя кричит! Как мучается, бедняжка! Но я все равно не выйду. Рожайте кого угодно: ежеиков, слонов, орангутангов – но только не меня.

А это кто еще нас со всех сторон щупает? Не лапай! Не лапай мою мать, я сказал! А мне плевать, что гинеколог. Ну чего уставился, бесстыжие твои глаза? Выходить?! Хитрый какой. Кому я там нужен. Лучше сам залезай – близнецом будешь.

А это еще что? Что-то теплое, ласковое. Рука! Мягкая мамина рука! Она меня гладит! Значит, мама меня любит! Значит, я кому-то нужен!

Ну ты, гинеколог, слышишь! Так и быть, я выйду. Только

без рук давай. Без рук, я сказал! Он еще мне будет рассказывать, как правильно рождаться. Вообще ты лучше подальше встань. А то спиртом разит, аж в глазах темно.

Ну вот, с этой суматохой забыл, как там: вперед ногами или головой? Ногами вперед или головой? Ах да, сейчас головой, а вперед ногами – это потом.

Итак! Мой Выход!.. А-а-а! Ну чего смотрите? А-а-а! Я уже орать устал. А-а-а! Ну аплодируйте же наконец!..

Учитесь Стрелять!

Идет операция. Слышен трагический голос больного:

– Доктор, я, кажется, не уснул.

– Да быть того не может!

Доктор увлеченно продолжает оперировать.

– Доктор, честное слово, я не сплю.

– Да бросьте вы!

Доктор делает надрез.

– А-а-а! Больно!

– Смотри ты, и вправду не уснул.

– Я же вам говорил.

– Ну и молчите себе в тряпочку... с хлороформом. Кстати, дайте ему еще.

– Кайф!.. Доктор, а еще можно?

– Можно.

– Кайф!.. А еще?..

– Можно. Дайте ему киянкой по лбу...

Бум!!!

– Дикий кайф!.. А еще киянкой можно?..

– Хватит с вас, а то быстро привыкнете.

– Доктор, ну как там? Это опасно?

– Больной, вы мне мешаете.

– Я могу и уйти.

– Нет уж, останьтесь. Ничего опасного нет. Пуля прошла

навылет, не задев жизненно важных центров. Кстати, что за кретин в вас стрелял?

– Почему кретин?

– Так разве ж так стреляют! Чуть выше надо брать, и левее, левее...

– Все очень просто, доктор. Лежу я поздно вечером с женщиной в постели, никого, кроме женщины, не трогаю, и вдруг, ТРАХ! БАХ! муж пришел.

– А! Значит, муж стрелял?

– Какой там! Слушайте дальше. Значит, лечу я с балкона, никого не трогаю, и вдруг, ТРАХ! БАХ! падаю на любимую собаку участкового милиционера.

– Ага, значит, участковый стрелял.

– Он, конечно, стрелял, но попасть ни разу не попал. Значит, бегу я себе голый по улице, бегу, никого не трогаю. И вдруг, ТРАХ! БАХ! слышу, сзади кто-то догоняет. Оказалось, маньяк-убийца на сексуальной почве.

– Неужели он стрелял?

– Нет, этот всего лишь меня ласково душил. Хорошо, рядом рокеры на мотоциклах развлекаться ехали. Мы с этим маньяком три квартала от них убегали.

– Так эти, что ли, стреляли?

– Да что вы! Это же дети, шалуны. Правда, бедного маньяка насмерть все-таки задавили.

– Ну а вас-то когда, наконец, пристрелят?

– А вы слушайте. Значит, забегая я, от греха, в коммерче-

ский магазин, пытаюсь натянуть первые попавшиеся штаны и вдруг, ТРАХ! БАХ! выскакивает сторож...

– Стрелял?

– Нет, отстреливался. Потому как тут же за мной в магазин ворвались рэкетеры.

– Рэкетеры, значит, стреляли?

– Зачем им стрелять, они положили нас на живот и действовали паяльником. Хорошо, сторож перед смертью успел признаться, что я здесь ни при чем. Меня и отпустили. Вышел, и прямо на встречу красивая девушка из интуристовской гостиницы выходит. А я, как назло, одеться не успел. Она достает из сумочки пистолет и ТРАХ! БАХ!

– Попала?

– Попала, и не раз, только пистолет у нее был газовый, нервно-паралитического действия.

– Так кто же в вас, черт возьми, тогда дырку сделал?

– Значит, прихожу я под утро домой к жене, голый, с синей от побоев рожей да еще под газом. Никого трогать не собираюсь, и тут, ТРАХ! БАХ! выскакивает тесть с двустволкой.

– Попал?

– Да...

– Ну наконец-то!

– Жене пыжом в зад.

– Слушайте, больной, я на вашем месте после этого пошел бы и застрелился.

– Так а что вы думаете, я здесь у вас лежу?!!

Теорема Пифагора

Я вам еще не рассказывал, как я попробовал найти себя в качестве преподавателя математики. О! Это презанятный опыт.

Раньше мне и в голову не могло прийти, что если ребенок сидит в классе спокойно больше пяти минут, то есть не горланит песни, не втыкает кнопок в зад соседа и не пытается завязать в узел металлическую ножку стула – то, значит, он или смертельно болен, или готовит вам такую гадость, о которой вы, в вашем розовом детстве, и помыслить не посмели бы.

Вы скажете, что я преувеличиваю. Отнюдь! И чтобы доказать вам это, приведу в пример пару самых обычных уроков математики, скажем, в восьмом классе.

Урок я, как всегда, начинаю с маленькой контрольной, чтобы утихомирить ввалившуюся в класс орду диких кочевников. И как всегда без толку. Женская половина класса устроила соревнование на самое красивое признание в любви, а мужская вместо контрольной сдала на листочках анонимные угрозы – встретить в темном переулке и оборвать руки, чтобы не задавал таких сложных задач.

Приступаю к устному опросу. Что у нас сегодня? Теорема Пифагора. Бедный Пифагор! Тут выясняется, что эти варвары куда-то снова спрятали мел.

«Кузякин, сходи, если тебе не трудно, попроси в соседнем классе мел. Но только одна нога здесь, другая там. А пока Ногоглазова выйдет к доске и расскажет нам теорему Пифагора.

...И долго мы будем так стоять, Ирина? Что же ты молчишь? Я понимаю, Пифагор был очень плохой человек, да что там плохой, он был форменный негодяй – он придумал такую сложную теорему. Я знаю, ты ее никому не расскажешь, даже под страшной пыткой. Эту тайну ты унесешь с собой в могилу.

Вот, дети! Посмотрите на эту девочку. Теперь можно быть спокойным за нашу разведку и партизанское дело. Пусть рыдают и рвут на себе волосы враги, им не добиться ответа. У страны еще есть настоящие герои!

Садись, Ногоглазова, и пусть тебе будет стыдно. Ходкина, пожалуйста, выйди к доске и изложи нам эту замечательную и простую теорему. Как! И ты туда же. Стыдно, Маша, не знать теоремы Пифагора. Ты же будущая жена и мать. И не надо мне строить прекрасных глаз. Получи свои два и иди на место. Думаешь, если красивая, так можно не учить математических теорем. Только не надо на меня надвигаться и томно вздыхать. Я останусь непреклонен. Вот, получи свои три, и больше чтобы этого не было. Ну, это уже слишком – целовать учителя в щеку. Меня же все равно не разжалобить. Забирай свою четверку и помни, что в следующий раз я буду беспощаден. Зачем ты берешь мою руку и кладешь себе на

грудь? Я все равно не поставлю больше заслуженного. Вот, кстати, твоя заслуженная пятерка, и скажи маме, что через неделю ты едешь на олимпиаду по математике.

Козлов, пожалуйста, вынь палец из носа и отвечай. Что? Не можешь отвечать. Палец застрял. Зачем же ты его так глубоко засунул? Сидоров, ты – самый здоровый в классе, помоги Козлову вытащить палец. Осторожнее, парту не сломай. Ладно, оставь палец Козлова в покое – на перемене всем классом дернем – и Расскажи нам теорему этого несчастного Пифагора сам.

Вы сегодня что, сговорились вывести меня из себя? Не выйдет. Я не из таких, кто будет с вами нянчиться. Я заставлю вас выучить теорему Пифагора. Она будет преследовать вас всю оставшуюся жизнь. А когда у вас появятся дети, вы будете рассказывать им теорему на ночь, как страшную сказку.

Ну, слава тебе! Нашелся один-единственный умный человек во всем классе. Посмотрите все на одинокую, как березка, руку Вайсблата. Посмотрите на гордость и пример нашей школы. Посмотрите на это бледное, изможденное лицо. Встань, Сева. Ах, ты уже стоишь. Тогданими очки и покажи всем лицо будущего академика.

А теперь выйди к доске и... Ах да, у нас же нет мела. Кстати, где, скажите мне, до сих пор ходит Кузякин с мелом? Я не могу продолжать урок. Этого мальчика только за смертью хорошо посылать – никогда не умрешь.

А пока посмотрите на довольное, распираемое жизнью лицо Сидорова. Встань, Боря. Тебе, кстати, пора бы уже и побриться. Посмотрите на лицо будущего кутилы и прожигателя жизни. А что, скажите, еще останется делать человеку, который до сих пор не знает теорему Пифагора?

Кстати, Сидоров, зачем ты вчера после уроков бил Вайсблата? Что ты говоришь! Ты его не бил, ты бил Козлова. А почему от вашей драки пострадал один Вайсблат? Ах ты бил Козлова Вайсблатом...»

От моего гнева детей спасает только звонок с урока. Какой все-таки великолепный, какой мелодичный звук! Симфония, соната и романс для измученного слуха учителя! Бах, Бетховен и Чайковский вместе взятые!

Спешу в учительскую. Там все смеются новой шутке учителя физкультуры: «Хороший ребенок – это мертвый ребенок». Пришла мама Паши Козлова. Я ее вчера вызывал. Как честный человек, я не могу врать, но женские слезы могут вить из меня веревки. «Ваш Паша,– говорю я ей,– очень способный ребенок. Вот, например, вчера дети закрыли в школьном сейфе Севу Вайсблата и где-то потеряли ключ, так ваш Паша с помощью какой-то проволоочки за пять секунд освободил несчастного. Очень способный ребенок. Далеко пойдет. А вчера вообще произошло ЧП. Куда-то пропала сумочка завуча со всей зарплатой. Вся школа ринулась искать сумочку, а нашел один ваш сын. Правда, зарплаты там не оказалось. Но ведь нашел. Настоящий Шерлок Холмс. Сразу

видно, что свою судьбу мальчик накрепко свяжет с органами внутренних дел».

Мама уходит счастливой. Ее сменяет папа Ногоглазовой. И он еще спрашивает, какие претензии я имею к его дочери! «Во-первых, она ничего не хочет учить. А во-вторых...»

Не успел я договорить, как был взят за горло мертвой хваткой папы-громилы. «А во-вторых,— продолжаю я бесстрашно,— ...и правильно делает». Мертвая хватка любящего родителя слегка ослабла, но не до конца, и я продолжаю тонко аргументировать. «Скажите мне, ну зачем, зачем современной девушке эти вредоносные катеты и гипотенузы? И без того развелось разных Пифагоров! Наизобретали, паразиты! Весь мир скоро взлетит на воздух к чертовой матери!» Я был милостиво отпущен, но меня уже было не остановить. Под аплодисменты собравшейся вокруг детворы я заклеймил зарвавшуюся науку и торжественно объявил, что отныне отказываюсь задавать уроки на дом.

Папа ушел счастливым. Однако какой нервный нынче родитель пошел. Вот еще один приближается. Я заранее становлюсь в позу боксера. «Вы Сидоров? Только что из Канады. Специально прилетели, чтобы справиться об успехах Бориса. Да вы правы, мало у нас родители уделяют внимания детям. Все разъезжаем по заграницам. Где я был? Нигде. Это я так, в общем смысле говорю. А о детях, о своем будущем подумать некогда. Уже присмотрели колледж в Штатах? И правильно. В Штатах оно и верней, не чета нашим задрипан-

ным университетам. Швейцарские часики? Ну что вы, спасибо. Конечно, у него бывают недоработки, но я и так соби-
рался выводить пять в году».

Папа уходит счастливым.

Звонок на урок. Какой неприятный и отвратительный звук. Похоронный марш звучит веселее и оптимистичнее.

Второй урок, как обычно, начинается с разбирательства.

«Сидоров, вы опять с Козловым издевались над Вайсблатом. В чем дело? Мне надо каждый день вызывать ваших родителей в школу? Понимаю. Вы всего лишь испытывали на прочность его новый кожаный портфель. Тогда почему вместе с портфелем из окна выпал и сам Вайсблат? Как, как! Отцепить не успели.

Сева, и после этого ты даешь Сидорову списывать? Я понимаю, что в душе он добрый и... Ах вот оно в чем дело! Он расплачивается валютой. Какими вы все стали меркантильными. Мы такими не были. Мы ходили в походы, пели песни у костра и собирали металлолом бескорыстно. Сидоров, а почему от тебя снова пахнет сигаретами? Я обещал твоему отцу, что на моих уроках ты курить не будешь. Ты и не курил?! А откуда же запах? Запах перешел к тебе от Ходкиной. А зачем ты целуешься с девочками, которые курят? Разве мало вокруг хороших некурящих девочек? Вот, например, Тоня Лукина. Я спрашиваю тебя, почему ты не целуешься с Лукиной. И отличница, и тихая, и скромная, да еще ходит в кружок «Умелые руки». Что ты сказал? Что же ей еще оста-

ется, раз у ней рожа такая...

Антонина, не верь ему! У тебя очень симпатичное... кругленькое лицо. Кстати, очень прошу тебя, прекрати жечь меня каждый урок взглядом – ты наделаешь в моем пиджаке дырок. И еще, пожалуйста, перестань пихать в мой «дипломат» записки, чтобы я пришел к тебе домой и объяснил с глазу на глаз, что такое котангенс. Котангенс мы будем проходить только в следующем году. И вообще котангенс – это очень сложная дисциплина, и вам еще рано о нем думать.

Но продолжим урок. А! Вот как раз и Кузякин объявился с мелом. Что! Во всей школе не нашлось паршивого куска мела! Дожили! Ну извини, Петя. Ты, вероятно, устал, бедняжка. Запыхался два урока искать несчастный кусок мела! Да-да, ты прав. Администрация просто обнаглела. Экономят на детях. А что там за крики были во дворе? Кричал учитель физкультуры. Дети повесили его на спортивном канате! А потом завернули в маты, привязали штангу и целых полчаса пытались утопить в пруду! И что, не утонул? Я всегда утверждал, что наши учителя не тонут.

Но продолжим урок. Сидоров! Ну зачем, зачем ты опять бьешь учебником по голове Вайсблата? Он сам попросил тебя об этом! Он передумал быть академиком и хочет стать кутилой и прожигателем жизни, как ты!

Дети, глядя на вас, хочется плакать, хочется выть и биться головой об стену. Вы – враги цивилизации и прогресса! Вы – передовой отряд мировой реакции и оплот мракобесия! Я

больше не могу тратить на вас свои лучшие годы, завтра же ухожу в предприниматели.

Итак, последний раз спрашиваю, кто напишет сегодня на доске теорему этого идиота Пифагора...

Папаша

- Товарищ фотограф, вы нашу семью на фоне Кремля снимали?
- Снимал.
- Я вам деньги заплатил?
- Заплатили.
- А куда на фотографии делся папа?
- А этот, с усиками, разве не ваш отец?
- Это не отец, это мать. Я спрашиваю, папу вы куда дели?
- А вот тут еще кто-то страшненький сбоку стоит. Может, этот?
- Вы что, издеваетесь?! Это моя жена.
- Извините. А этот, с выпученными глазами?
- Нет, этот не может быть папой, потому что это я сам.
- Да, в самом деле, похож. А этих два размытых пятна кто?
- Это дети. Они у нас немного нервные, секунды без движения не устоят.
- Странно. Куда же он делся? А может, и не было никакого папы?
- Как это не было, как это не было! Я сам помню, как он всех расставлял.
- А это кто?
- Где?

– Вот здесь с краю.

– А я откуда знаю! Грузин какой-то. Понятия не имею, как он сюда попал.

– Так может быть, это папа и есть?

– Вы что, хотите сказать, что мой папа грузин?

– Боже меня упаси, я просто хочу сказать, что, может, этот грузин – ваш папа.

– Грузин не может быть моим папой!

– Почему вы так думаете?

– Потому что я – не грузин.

– А откуда же тогда на фотографии вместо папы грузин взялся?

– Это я у вас хотел спросить! Папа снимался, и его нет, а грузин не снимался, и он есть.

– А почему мы не можем допустить, что отец, которого нет на фотографии, и грузин, который там есть, одно и то же лицо?

– Какое лицо?

– Лицо вашего отца, которого нет на фотографии.

– Подождите, подождите, я совсем запутался. Я сюда пришел справиться об исчезнувшем папе, а вы мне говорите, что мой отец вовсе не мой отец, а грузин. А грузин вовсе никакой не грузин, а мой отец.

– Нет, грузин – это грузин, а отец – ваш отец, но грузин, кроме того, что он грузин, он еще по совместительству и ваш отец.

– Ладно, может, мой отец и грузин. Но почему его нет на фотографии?

– А с чего вы взяли, что его там нет. А вот этот грузин разве не ваш отец?

– По-вашему выходит, что у меня два отца, и оба грузины!

– Да нет, отец один.

– А! Так, значит, грузинов двое, и оба мои отцы.

– Нет, и грузин один.

– Так кто же из них мой отец, этот, который на фотографии, или грузин?

– А это вы не у меня, а у своей мамы спросите.

– А мама-то здесь при чем?

– Ну вы скажете тоже – при чем! Один-то папа родить не может, даже если он грузин.

– Не может.

– И мама вас одна без посторонней помощи родить не смогла бы.

– Не смогла бы.

– Вот теперь вы сами видите, что без грузина здесь дело ну никак обойтись не могло.

– Вы хотите сказать, что моя мама изменила отцу с грузином?!

– Да не нервничайте так. Всякое в жизни может случиться. У кого-то и грузины должны быть папами. Смотрите, красавец какой. Орел!

– Да я вижу этого человека первый раз в жизни!

– А что тут такого. Я, например, своего отца вообще ни разу в жизни не видел. А у вас такое счастье – наконец-то повидались с папашей.

– Каким папашей?

– Да вот этот грузин ваш папаша.

– Этот грузин мой папаша?!

– Этот, этот! Не мой же!

– Это правда?

– Чистая, как слеза. А как похож!.. И нос, и орлиный взор, и кепка. Просто одно лицо, счастливец!

– А почему мама мне никогда про это не говорила?

– Ну знаете, если каждая женщина будет вспоминать про всех своих грузинов.

– Но моя мама никогда и в Грузии раньше не была.

– Ну и что, он сам к ней приезжал. Как приехал, так сразу и сказал: «Клава, я твой навэк!» А потом сразу уехал.

– Какая еще Клава, мою маму зовут Верой.

– Я и говорю: «Вэра, ты мой навэк!» Вскочил на коня и ускакал.

– Постойте. Так, значит, и я грузин!

– Конечно, грузин.

– И дети мои грузины?!

– Не беспокойтесь, и дети ваши грузины, и дети детей будут грузинами. Забирайте фотографию и идите обрадуйте свою грузинскую семью.

– Папка, родненький, наконец-то я тебя нашел! Спасибо

вам, товарищ фотограф, от всей души спасибо... геноцвале!

– Да в общем-то не за что! Если надумаете сняться опять, милости просим. Глядишь, еще какие родственники объявятся.

– Ну я побежал, обрадую мамулю. Она, наверное, еще ничего не знает.

– Ага, беги, родной, обрадуй... Во как рванул. Сразу видно горячая кавказская кровь. Одно слово – горцы.

Поцелуй

Поцелуй – это не такое простое дело, как заблуждаются некоторые. Одних губ здесь далеко недостаточно, здесь еще голова нужна. Например, некоторые даже не знают, куда сунуть нос во время поцелуя. А девушки, так все, прямо как по команде, признаются, целуясь в первый раз: «Я раньше, – говорит, – никак не могла понять, куда мне девать нос во время поцелуя, чтобы он не мешал». Они, наверное, думают, что было бы удобней целоваться с девушкой, у которой нет носа.

Бывает, еще спрашивают, как лучше целоваться: с открытыми или закрытыми глазами? Ответ прост: все зависит от того, насколько страшный партнер вам попался.

Некоторых еще смущают предостережения врачей, что при одном поцелуе вам передается около трех миллионов микробов. Ничего страшного. Ведь число микробов, от которых вы избавляетесь, не меньше.

Необычайно важным моментом является положение зубов и языка во время поцелуя. Один мой приятель, целуясь, сломал зуб. Я посоветовал ему сменить позицию при поцелуе. Он сменил и вывихнул челюсть. Тогда я посоветовал ему новое положение. Он сменил и сломал руку. После четвертого совета он ездил в инвалидной коляске. А вчера мы его похоронили.

Никто не умаляет вопроса о том, как целоваться. Губы

девушки снизу, губы девушки сверху, поцелуй сбоку, сзади, прогнувшись, с использованием подручных приспособлений, стен, лавок, железнодорожных платформ, обрывов рек и одиноких берез. Но все же, это вопрос во многом второстепенный. Гораздо существеннее знать, где целоваться. Ну кому ты доставишь удовольствие, целуясь поздним вечером на лестнице в подъезде, кроме себя, девушки да скандальной бабы, выносящей мусор, которая на тебя этот мусор и высыпет, чтобы не шлялись всякие по ночам? Нет. Ты днем выбери улицу пооживленнее, сядь посередине на лавочку, посади девушку на колени и, запрокинув ей голову, прильни к ланитам.

Какое это внеземное наслаждение – целоваться на людях. А сколько удовольствия получают прохожие? Сколько сразу радостных улыбок появляется на лицах? Правда, случаются и среди прохожих недовольные. Но это все от зависти.

А какая восхитительная вещь – женский язычок. В этом, кстати, убеждаешься только при поцелуе. Неплохо еще бывает по-дружески лизнуть ее в нос.

Но вообще, надо сказать, губы девушки – это такой предмет, который очень трудно поцеловать. Иногда бывает, целый день подкрадываешься к ним, выжидаешь удобный момент, сторожишь случай. Главное – не спугнуть их неосторожным движением. Необходимо усыпить их бдительность смирным и дружеским поведением. И вот в тот момент, когда они окончательно поверят, что вы не замышляете в от-

ношении их ничего плохого и прогуливаетесь здесь совсем по другой причине, прыгайте к ним и, держа их обладательницу как можно крепче за уши, целуйте.

Но прошу вас особенно не увлекаться во время поцелуя. А то один мой приятель целовался в подъезде с любимой девушкой, увлекся и случайно оторвал ей уши.

Но я не знаю ничего восхитительней, чем поцелуй в тихий зимний вечер, когда крупные хлопья снега с завораживающим шорохом покрывают землю. Что может быть лучше горящих румянцем щечек, выглядывающих из воротника девичьей шубки. И хочется реветь от жалости к жителям экватора, лишенным такого незабываемого удовольствия.

Экзамен

- Профессор, извините – я проспал.
- Надеюсь, не один?
- Один...
- Два, идите.
- Подождите. Я скажу все начистоту. Один... на один.
- Два, идите.
- Нет, на два...
- Это уже интересно. Так один на один или один на два?
- На один... нет на два, нет на один... Вспомнил, сначала был один на один, а потом один на два.
- И сколько же всего?
- Четыре, профессор!
- Не четыре, а два. Зачетку.
- Подождите, профессор, я подумаю еще. Один на один и еще на два, и еще кто-то, по-моему, приходил. Всего пять, профессор!
- Ладно, три. За наглость.
- Четыре, профессор, умоляю, у меня стипендия!
- Три, у меня математика.
- Четыре, профессор! У меня жена беременная.
- Давно?
- С самого утра.
- А у меня с утра радикулит. Идите, три.

- Четыре!
- Три!
- Четыре!
- Три!
- Четыре, профессор! Где тереть?
- Ну хорошо, четыре. И чтобы я больше вас не видел.
- Ладно, ставьте два, и я приду на пересдачу.
- Вот ваши пять...
- С плюсом...
- С плюсом.
- И повышенная...
- Ну это уже слишком!
- Я могу и на пересдачу прийти.
- Не надо, и повышенная.
- И беременной жене. Она ждет в коридоре.
- Что ждет, повышенной?!
- Нет, ребенка.
- Ладно, и жене, только побыстрее уходите.
- Как же так, профессор, а на крестины?
- Какие крестины.
- Нашего сыночка...
- Вы издеваетесь?
- Вы что, не любите детей?
- Я не люблю детей?! Да на свете нет человека, кто бы их так любил.
- Тогда приходите, будете ему крестным.

– Ну если крестным... Я подумаю.

– Вот и прекрасно. Кстати, а где мы будем жить?

– Жить?!

– Ну не может же ваш крестник жить в общежитии.

– Конечно, не может.

– Вот и чудесно, сегодня мы с Люсей к вам и переезжаем.

Сколько у вас комнат?

– Три.

– А человек?

– Я один. Жена давно умерла, а дети живут отдельно. Знаете, иногда бывает так пусто. Теперь мы будем все вместе обедать, а по вечерам пить чай и смотреть телевизор.

– Об этом не может быть и речи. Трехкомнатную мы разменяем на двухкомнатную и комнату... для вас.

– Но вы хотя бы будете привозить ребенка на воскресенье?

– Какого ребенка?

– Моего крестника.

– Вы с ума сошли. Никакого ребенка не будет. Завтра же пошлю Люську делать аборт. И вообще на фига мне эта Люська с моей повышенной и квартирой... Что с вами, профессор? Вы же еще не успели поставить мне оценки!

...Через три дня состоялись похороны. Сильнее всех рыдал какой-то студент в рваном пальтишке и ушанке набекрень. Он плакал так сильно, как может плакать только человек, потерявший в один день отца, жену, ребенка, кров и

всякое будущее...

Чудо Резинового Века

Изобретение презерватива можно сравнить только с изобретением колеса. Подвиг автора останется навсегда в сердцах благодарных потомков, за исключением, конечно, тех, кто благодаря ему так и не сумел осчастливить этот мир посещением.

Одним из самых сильных моих сексуальных впечатлений детства остается находка в палисаднике нашего дома необычного резинового мешочка, наполненного мутноватой жидкостью. При надавливании на мешочек подошвой сандалии жидкость, пульсируя, выливалась сквозь дырочку в нем. Мы, девочки и мальчики, хихикали и перешептывались, искоса поглядывая на мешочек, похожий на воздушный шарик, но явно не являющийся таковым. Инстинктивно каждый догадывался, сколь интимен предмет, найденный в траве.

Став взрослыми, дети вдруг обнаруживают странное обстоятельство: то, что в воображении совершалось просто и непринужденно, на практике оказывается значительно сложнее. Лично я до сих пор не могу толком понять, как лучше управляться с этой штуковиной. Часть изготовителей мудро не прилагает к презервативам инструкций. Трудно вообразить любовников, часа на два прервавших ласки для внимательного изучения руководства для пользователя. Впрочем,

мучения начинаются задолго до ответственного момента.

Начнем с приобретения крамольного изделия. Я всегда слегка нервничаю, покупая его в аптеке. Улыбка вежливости молоденькой аптекарши странным образом превращается в циничную ухмылку повидавшей виды проститутки, а покупающая рядом валерьянку пожилая женщина пугается так, как будто я – сексуальный маньяк и презерватив мне нужен с единственной целью – тут же, не отходя от кассы, ее изнасиловать. Кое-как спрятав покупку в карман и поглубже убравшись в воротник, бежишь из аптеки на улицу.

Здесь не лишним будет остановиться на классификации людей по их предпочтению, которое они отдают разным презервативам. Молодежь и люди пожилого возраста не склонны к излишествах и пользуются бесхитростно-простыми изделиями. У них нет желания отвлекаться от предпринимаемых усилий достичь оргазма на всевозможные ухищрения производителей, нарушающих чистоту жанра. Напротив, люди экстравагантные и стремящиеся к разнообразию приобретают презервативы, скажем, в форме различных млекопитающих, которые надеваются так же, как куклы в кукольном театре, с той лишь разницей, что торчащие усики и лапки производят гораздо большее впечатление на театралов. Грубые и нечувствительные натуры предпочитают смазочные жидкости с перцем и другими раздражающими веществами. Гурманы – разнообразные вкусовые добавки, а художники – необычные цвета.

Развернув покупку дома, первое что бросается в глаза – это идиотская надпись на упаковках: «Проверено электроникой». Я не могу вообразить проверку иначе, как установкой в конце конвейера двух роботов, один из которых наделен мужскими гениталиями, а другой, точнее другая, женскими. В кратком половом сношении роботы проверяют на прочность каждое изделие. Возможно, только нехваткой железного здоровья роботов – это же немыслимо трахаться столько раз на дню – можно объяснить, что иной кондом не выдерживает перегрузок при сношении людей и, подлец, рвется. Утверждают, что каждый десятый из современных людей обязан своей жизнью резиновой промышленности и электронике. Что и говорить, истинные дети брака!

Но настоящие мучения впереди, когда приходит пора применить его в действии. Во-первых, абсолютно темным местом во всем этом мероприятии остается хронологический вопрос: когда его надевать? Вроде бы перед тем, как лечь в постель с женщиной – рано, а после семяизвержения как будто уже поздно. Хотя другого более или менее свободного времени для столь кропотливого занятия я не нахожу. Поэтому приходится бросаться на поиски положенной под подушку упаковки, которая успела, естественно, во время бурной прелюдии куда-то запропасться, в тот момент, когда женщина уже не стонет, а кровожадно рычит, требуя скорейшего начала.

Во-вторых, самым настоящим наказанием становится за-

дача его надеть. Это же не шляпу натянуть и не пальто натянуть. Этот процесс можно сравнить лишь с торопливым одеванием колготок на непослушного ребенка. Когда вам приходится одновременно держать капризное дитя, норовящее ускользнуть из рук, и в то же время ухитриться попасть его ногами в скрученные отверстия колготок. В конце концов оказывается, что колготки надеты наизнанку, и приходится начинать все сначала. Какое счастье, что в половом акте не возникает проблем правой и левой ноги.

Уф! Кажется, одевание закончено, во время чего мужчина потеет сильнее, чем во время самого акта. И здесь неожиданно обнаруживается, что женщина, которую вы полчаса разогревали своими ласками, остыла. То есть, конечно, остыла не совсем до комнатной температуры, умерев от смеха, глядя на ваши упражнения, а стала непригодна для действия, ради которого вы надевали ваш замечательный, приготовленный с утра презерватив.

Приходится забыть на время про облаченного в доспехи рыцаря, готового к ведению боевых операций в тылу противника, и отчаянно попробовать ласками снова довести женщину до полуобморочного состояния. Ну вот, наконец, разведка доносит, что пора приступать к фронтовой атаке, и здесь вы с ужасом замечаете, что рыцарь, до того как буд-то вполне здоровый и жизнерадостный, полностью потерял присутствие всякого духа, сник, а латы едва не спадают с его плеч.

Факт несостоятельности перед женщиной приносит сплошные расстройства. Бывает очень неудобно: упрашиваешь ее полночи, даешь страшные клятвы, чуть ли не силком тащишь в постель, чтобы после продемонстрировать полное бессилие зарвавшегося органа.

Но здесь на помощь приходят восхитительные женские руки. Как восхитительны они, когда держат вязальные спицы, готовят яблочный пирог, развешивают белье на лужайке, но в тысячу раз они прекрасней, когда одним прикосновением к только им известным местам вдыхают жизнь в безусловно храброго, но такого несамостоятельного, капризного и даже немного безвольного воина. В связи с этим я предпочитаю отдавать всю кропотливую работу, связанную с противной резинкой, в нежные женские руки, тем самым получая дополнительные возможности для наслаждения.

Ну что же, как видно из вышесказанного, бытующее среди неискушенного юношества убеждение, что самой трудной частью в половом акте является убедить женщину лечь в одну кровать с вами – в чем, признаться, я и сам был уверен пока не лег – куда как далеко от истины. Насколько же становится обидно, когда счастливые от недавнего пребывания на вершинах любви, благодарные и потные любовники снимают использованную тряпочку и с изумлением находят, что она разорвана. А шустрые, невидимые глазу ребята с хвостиками приближаются к несметным сокровищам женских хромосом. Не остается ничего другого, как вступить с ними в

соревнование, кто быстрее добежит: они до цели или вы до экстренных противозачаточных средств и методов.

А что же испорченный презерватив? Будучи выброшенным от злости в окно, он послужит нашедшей его детворе наглядным пособием в изучении такой непростой, но такой восхитительной науки любви. В чем, я думаю, и заключается настоящая преемственность поколений, где «неразрывной» связью служит замечательное изобретение пытливого и гениального ума – презерватив.

Автобус

Автобусы у нас стали ходить из рук вон плохо. Недавно час стоял на остановке, а его все нет и нет. Потом смотрю, подходит. В дверь не влезешь, в окно тоже не пускают. Сел, кажется, через выхлопную трубу.

Едем.

— ...Гражданин, вам там наверху на ушах стоять не надоело?

— Извини, отец, я бы встал на что другое, да ногу поставить некуда. Бабуся, и ты бы внизу голову покрепче держала, а то у меня ботинок все время соскальзывает.

— А вот говорят, в Англии тоже двухэтажные автобусы есть, только там между этажами еще полы делают...

— ...Товарищи, не давите так, здесь же люди!

— Не нравится, на такси ездить надо.

— А я и езжу.

— Что, денег много?

— Да нет, я таксист...

— ...Ледя, ты где? Ледя, я тебя не вижу.

— Я здесь, Фаня!

— Где, Ледя?

— Да здесь я, в задую.

— В чем ты задую, Ледя, я не поняла, Ледя?

— Да ни в чем, а в задую автобуса.

– Ледя, ты курочку будешь? Товарищи, передайте, пожалуйста, в самый зад курочку.

– Фаня, а зачем ты от ножки откусила?

– Ни от какой ножки, Ледя, я не кусала.

– А кто же от ножки откусил? Товарищи, кто откусил от ножки?

– Ладно, Ледя, я тебе яичко почистила. Сейчас тебе передадут. И не чавкай так, Ледя, не чавкай! Товарищу рядом неприятно. Кстати, ты бутерброд с икрой уже получил?

– Нет, Фаня, не получил.

– А где же он?

– Откуда же мне знать. Не дошел еще, наверное.

– Ой, мне уже плохо. Товарищи, имейте совесть, отдайте бутерброд!

– Граждане! Здесь женщине плохо! Женщине плохо!

– Да ладно орать-то, как будто мужикам здесь хорошо...

– ...Женщина, вы ножки не раздвинете?

– Раздвину, а зачем?

– Да у меня по-другому мой контрабас не проходит. Ой! Осторожнее, вы сели на мой контрабас!

– А кто ты такой, чтобы сразу претензии предъявлять?

– Я профессор консерватории, мадам, и еще раз настоятельно прошу встать с моего контрабаса.

– Тоже мне, Пахмутова нашелся. Сидят у себя в консерватории, пиликают, а в колхозе работать некому. На, получай свою балалайку!

Хрясь, хрясь!

– Ах! Что вы наделали! Это же «Страдивари»! Я же всех теперь здесь порежу, всех порежу, век воли не видать.

– Эй, кому там было плохо? Я вам хирурга нашла...

– ...Ой, какой маленький мальчик, а какое глупенькое у него лицо, а как на папу похож... Мальчик, ты конфетку хочешь?

– Пап, а пап, ко мне опять пидарасы пристали...

– ...Дядь, а дядь, уступи инвалиду детства место.

– Ничего себе инвалид, здоровее меня.

– А в рыло костылем?

– Садись, деточка...

– ...Эй, мужик в шляпе, а ну, встань, ты что, не видишь, старушка рядом стоит.

– Да ладно, сынок, я постою.

– Это он постоит, а ты, мать, сядешь.

– Да ладно, сынок, я уже скоро выхожу.

– Я тебе выйду, я тебе выйду! Садись давай, старая клюшка...

– ...Граждане, никто кошелька не видел, я только что обронил?

– Это такой в крапинку, что ли, набитый сторублевками.

– Ага, он!

– Да не, не видали...

– ...Ребята, тут контролер!

– Вася, чего хочет?

– Да билеты какие-то.
– Ну а чего ты орешь?
– Да я и спрашиваю, бить или не бить!
– Ну ты Гамлет, Вася! Конечно, бить...
– ...Гражданин, передайте на билетик.
– Гражданин, и еще.
– Гражданин, и мне, пожалуйста.
– Ну все, что ли, передали?
– Все, все!
– Смотрите, если на бутылку не хватит, обратно вернусь...
– ...Девушка, а ты на следующей остановке сходишь?
– Я уже сходила.
– Куда сходила?
– Куда, куда, в трусики, козел!..
– ...Товарищи, вы в середину не продвинетесь, а то в автобус войти невозможно.
– А какая это остановка?
– «Кожно-венерический диспансер».
Весь автобус хором:
– Все занято! Все занято!..
– ...Петя! Друг! Какая встреча! Как давно мы не виделись.
Ну дай же я тебя в губы расцелую. Мцу! Мцу! Мцу! А это кто с тобой? Неужели жена! Ну, брат, скажу, неслабую бабенку ты себе отхватил. Ну дай я ее обниму и в губки расцелую! М-м-цу! Мцу! Мцу! А это кто? Дочка, говоришь. Однако какая большая у тебя уже дочка. Ну, дайте же я вас, барышня, на

правах старого друга отца обниму и расцелую. Мцу! Мцу! Мцу! А это кто? Сынок! Какой славный у тебя, Петя, мальчишечка. Ну, дай же я и его... Мцу, мцу, мцу. А это кто, твой песик? Какая славная собачка! Ну, дай же я тебя, песик. Мцу! Мцу! Мцу! А это кто у тебя в гробике? Мамашу хоронить везешь. Ну дай же я и ее облобызаю. Мцу! Мцу! Мцу!..

– ...Товарищ, вы на «Городском кладбище» сходите?

– Схожу.

– А вы?

– И я схожу.

– А вы?

– А куда деваться? Там все сходят.

– Странно. А какой это автобус?

– А это и не автобус вовсе, это катафалк...

Ищу Друзей

Здравствуй, дорогое радио и ведущий передачи «Ищу друзей»! Давно хотел вам написать, да все не мог собраться с духом. Пишу я вам потому, что я очень одинок. Никто не хочет со мной дружить. Есть, правда, у меня один дружок, да и тот из наших, из покойничков. Это мой сосед Вася. Он писатель. Раньше при жизни он был социалистическим реалистом, но быстро спился. А как под землю попал, так стал закоренелым почвенником.

Недавно он выпустил специальное руководство для переходных времен «Как самому сделать гроб». В переходах с руками отрывают.

Передайте, пожалуйста, по радио для моего соседа Василия «Похоронный марш» Шопена в исполнении оркестра Гостелерадио. Вася его очень любит.

А вообще скучно у нас тут, дорогое радио, потому и обращаюсь к вам. В свой выходной не знаешь, куда и рухнуть. Вася советует мне читать книжки. В основном свои, конечно. Ну, прочел я одну, ну, две, ну, сколько же можно – не ребенок, наверное, уже!

Так потоскуешь, потоскуешь, да и потянет с горя свежей крошечки попить. Вася вообще на алкашах специализируется. Того и гляди, сопьется писатель по второму разу. Вечно около ближайшего винного ошивается, ищет дураков сооб-

разить на троих, а по утрам ему еще желудочный сок подавай.

Совсем пропадает бедный кровопийца. Я его даже к врачу водил. Дорогое радио, ну что у нас за врачи? Час Васю выстукивал, выслушивал, мерил давление и исследовал трупные пятна, а потом глубокомысленно заявляет: «Ну, батенька, вы себя и запустили!»

Иногда, правда, схохмишь что-нибудь, на душе и полегчает.

Помню, на прошлой неделе уже под вечер забрел к нам один мужик. Я по пояс из могилки вылез. Он подошел, смотрит, смотрит – ничего понять не может. А я и говорю: «Ну что, мужик, пялишься, памятника ни разу не видел?» У него аж глаза сквозь очки вывалились и волосы на голове, как лапки у сороконожки, зашевелились.

Он, естественно, бежать, а там уже Вася его за ноги схватил и в могилку тащит. Во ржачка! Да вы у него сами можете спросить, как весело было, он теперь тут у нас недалеко лежит.

А вот еще намедни новенькая к нам поступила – самоубийца. Совсем девчонка еще. Я ее спрашиваю: «Из-за каких таких жизненных пустяков объесться снотворного изволили?» А она ревет и бормочет всякую ересь про несчастную любовь. «Я ему говорю, что я его люблю, а он говорит, что никогда не женится на мне, потому что я страшенькая. Скажите, – еще пуще заревела она, – ну при чем здесь любовь и

то, что я страшенькая?!» «Ну конечно,— успокаиваю я ее,— ни при чем. Он, наверное, нас еще с Васей не видел. Ну ничего, это легко исправить. Пойдем,— говорю,— я тебе лучше ручного крота покажу. Смешной — со смеху второй раз померешь. Ты ему только сначала червяков насобирай».

А Вася выразился еще проще, но по-писательски точно. «Что у него,— сказал он,— яйца, что ли, из чистого золота, чтобы так из-за него переживать? Ты, девочка, только намеки, мы его тотчас тебе предоставим красивым-красивым, какими бывают только в гробу».

Но девчонка ни в какую — потоп нам такой устроила! Говорит: «Если вы его хоть пальцем тронете, я ваше кладбище по камушку разнесу. Он сам должен прийти, я его знаю, он хоть и красивый, но в душе такой добрый, что просто не может не прийти».

Ладно, ждем день, ждем второй, на третий смотрю, с новенькой что-то неладное творится. Как-то уж слишком быстро когти расти стали, клыки из-под губ повылазили и появилось зловещее зеленоватое мерцание в глазах. Я говорю Василию: «Слышь, певец распада, а девчонка, кажись, потихоньку превращается в самую настоящую ведьму».

В тот же вечер мы уже караулили ее зазнобу в темной подворотне. Смотрим, идет этакое здоровое и красивое «животное» и за собою двух кошелок размалеванных тащит. Вася сначала мирно подошел и предложил девочкам отчаливать, мол, у него с молодым человеком серьезный разговор. Ну

тот, конечно, сразу упираться рогом начал. Говорит: «Иди своей дорогой, папаша, пока тебе голову не оторвали». Вася не долго думая сам свою голову снял и так с ладони ласково-ласково улыбнулся. Девочки тут же в обморок хлопнулись, а наш красавчик бежать бросился, как раз на предупредительно распахнутый мною канализационный люк. Прямо ко мне, лапуля, в объятия и свалился. И жилка еще у него на лбу так аппетитно-аппетитно пульсирует.

Я слюну сглотнул и говорю: «Учти, родной, если завтра с букетом алых роз у могилы бывшей любовницы не появишься, мы сами организуем твою доставку к месту встречи в твердой упаковке под громкую, но печальную музыку».

На следующий день как миленький с охапкой роз явился. На колени встал, прощения весь в слезах просил. Я сам едва не прослезился. А Вася так растрогался, что в тот же вечер штук пять алконавтов подзаборных откупорил. Нажрался этой отравы вусмерть – всем кладбищем еле откачали. Но зато девчонку нашу было не узнать. Черт его знает, откуда-то маленькие крылышки появились, и вся как-то по доброму засветилась изнутри.

Вот я и говорю, дорогое радио, может, и ко мне кто приходить будет. А то все один да один. Даже Васе жена не забывает по праздникам стопку поставить, а обо мне родственники и не вспоминают.

Вдруг найдется добрая душа среди твоих слушателей, кто хотя бы раз в году и мне букетик принесет, могилку попра-

вит. Честное слово, и когтем не трону.

Приходите! А? Адрес легко запомнить: Ваганьковское кладбище, пятый участок, третья могилка слева. Спросить вурдалака Борю.

Моя Лениниана

У каждого советского человека есть своя лениниана. Ленин давно уже перестал быть кошмаром истории и стал кошмаром сознания. Сейчас каждый половину дня размышляет о том, со зла он это сделал или хотел как лучше, а остальное время думает на другие отвлеченные темы.

И когда вся страна ужасается, что же он натворил, он себе лежит спокойно и зарабатывает валюту этой самой стране на туристах, которые приезжают убедиться, что он все еще лежит.

Может, легче вывезти его туда вместе с надувным Мавзолеем и солдатами – пусть убеждаются за валюту на месте.

Что делать с телом – ясно, со всем остальным труднее. Непонятно, как быть с названиями. Мы никуда не денемся от Библиотеки имени Ленина, что находится на станции орден Ленина Метрополитена имени Ленина «Библиотека имени Ленина». Непонятно, почему книги дал Румянцев, а имя взяли у Ленина? Почему тогда Третьяковская галерея до сих пор стоит не Третьяковской галереей имени Ленина?

Хорошо. С учреждениями, улицами, городами и турбинами все ясно. Но почему Воробьевы горы названы Ленинскими? Этого постичь невозможно! Может быть, он их насыпал?! Хорошо. Если Воробьевы горы названы Ленинскими, тогда, может, и воробья в Ленина переименовать. А что! Во-

робья – в Ленина. Жабу – в Сталина. (Хотя лично мне обидно за лягушку.) Кукурузу назвать Хрущевым. «В прошлом годе мы собрали пятьдесят га Хрущевок». Рыбу я предлагаю назвать Брежневым. Верблюда... тоже понятно кем.

А что делать с живописью, мозаикой, камнем и кино? Сталина из них вырезать, замазать, сколоть удалось – Ленина никак не удастся. Потому что, если его оттуда вырезать, останется один эпизод с выстрелом.

И сами художники ни в какую не хотят с ним расставаться. Если раньше они жаловались, что, кроме Ленина и Сталина, рисовать ничего не дают, то теперь, кроме Ленина и Сталина, ничего и не получается.

А что делать со скульптурой, которой у нас завались? В каждом областном городишке обычно столько памятников Ильичу в самых невероятных позах, что при достаточно быстрой ходьбе можно посмотреть фильм «Танец вождя мирового пролетариата».

А какой он во всех памятниках здоровый?! Просто не Ильич, а какой-то полысевший Шварценеггер.

Начали было сносить все подряд, потом вдруг оказалось, что среди них затесались произведения искусства. А отличить штамповку от произведения народ пока еще не умеет.

Дальше. Вдруг оказалось, что переименовать город в кого-нибудь на радостях, что наконец умер, народу ничего не стоит. А после того, как радость прошла и пришла пора переименовывать обратно, – это стоит уже жуткие миллионы.

Может, тогда имена так и оставить, чтобы люди не забывали, кого они должны благодарить за такую веселую жизнь.

А что делать с праздниками, парадами и другими развлечениями? С одним «красным днем», вроде, все ясно. Из праздника сделать день траура, но все равно отдыхать, а что прикажете делать с 1 Мая и 8 Марта? В мире никто не понимает, что это за праздники. Почему трудящиеся празднуют один день в году, а тот, кто не трудится, все остальное время? А этот Международный женский день, который нигде, кроме нашего народа, не прижился. В других странах не понимают, как это можно поздравлять женщину с тем, что она не мужчина.

Ну а прочие развлечения? Раньше, судя по длине очереди, наибольшее удовольствие советскому человеку доставляло зрелище мертвого вождя. А что делать теперь?

Можно, конечно, перенаправить очередь из Мавзолея в «Макдональдс», но веселье уже будет не то.

А что будет отечественная сатира делать без вождей? Она же захиреет, увянет и умрет с тоски.

Скажем, в кинофильме Соловьева «Черная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви» показали в сатирической форме, как какает Сталин. Теперь осталось показать, как какает Ленин, и говорить нашим сатирикам будет больше не о чем.

Так что давайте уж Ильича не трогать – себе дороже обойдется. «Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин будет жить!» Ко-

роче, живчик такой...

Обои

Мутит меня, сил нет. А все с тех пор, как на обойную фабрику бригадиром устроился. Один на тридцать три обойщицы. Половина не замужем, половина разведенных. Устаю очень, особенно в ночную смену.

Прибавьте сюда шеф-повара Настюху. Горячая баба, особенно на раскаленной плите.

Директорская секретарша и та на мои плечи легла. Я ее спрашиваю: «Вер, а наш директор не функционирует, что ли, совсем?» «Да нет,— говорит,— функционирует, но так ласково и нежно, что почти незаметно».

Короче, на работе вымотаешься, придешь домой, а там моя Любка сидит. «Пойдем,— говорит,— любимый, я поклеила в нашей спальне новые обои».

«Э! — думаю,— хитрая бестия, в спальню заманить хочет. Нет, я так просто свое тело на поругание не отдам. Возьми да скажи: «Ты только не пугайся, Люб, но выяснилось, что я из этих, из голубых». «Да нет,— подмигивает она,— не голубые, а розовые». «При чем здесь обои,— говорю — Голубой я. От женщин меня тошнит».

Любка сразу плюх лицом на диван и попкой в истерике задергала. «Люб,— говорю,— не реви, это же болезнь». «Заразная?»— сразу переспросила она. «Нет,— говорю,— это психическое. Это когда женщину чем-нибудь пришибить охота,

вот как мне сейчас тебя».

Потом сжалился. «Ладно,— говорю,— не реви. Пойдем в последний раз этим позорным делом займемся, и все, завяжу я с вами».

С утра встал, пошел ноги для чулок брить. Как женщины это делают, я не знаю, но я коленки вдоль и поперек изрезал. Потом стал юбку выбирать. Какие-то странные они, ширинка у всех сзади расположена. Вдобавок ко всему Любкин бюстгальтер не подошел. Маловат для моей груди, зараза, оказался.

Выхожу на городскую панель. Тут же ко мне местные путаны подгребают: «Эй, новенькая,— кричат,— в очередь вставай». «Зачем?»— спрашиваю. «Дура, что ли? Мы тут с ночи на мужиков пишемся. И чур, больше двух в одни руки не брать».

«Да бросьте, девчата, — говорю — Я в вашем деле не конкуренция. Сексуальное меньшинство я». «А ну, докажи»,— потребовали они, а сами как налетят, и каждая подергать мое доказательство норовит. Ну я же не железный. Смотрю, мое сексуальное меньшинство в сексуальное большинство превращается. Я как закричу: «Зря, дуры, стараетесь, денег у меня все равно нет». «А,— говорят,— ну тогда тебе здесь делать нечего. Все твои клиенты на демонстрацию в защиту секс-меньшинств ушли».

Бегу на демонстрацию. А там каких только извращенцев нет. Один мазохист ко мне сразу клеиться начал: «Девушка,

а девушка, вы свободны?» Я засмутился, все-таки в первый раз, говорю: «Свободна». «Тогда будьте так добры, ударьте мне в пах, пожалуйста!». Я за доставленное удовольствие даже денег с него брать не стал.

Еще были эти, которые без статуи жить не могут. Как статую Ленина увидят, сразу к ней бегут и в оргазме биться начинают. Тут же рядом зоофил с аквариумом в обнимку сложился.

Был даже один зеленый-зеленый, по всему видать из «Грин-Писа». «Тебя тоже,— спрашиваю,— от женщин тошнит?». «Нет,— отвечает,— меня с перепоя».

Ну подemonстрировали у кого чего есть. Потом омовцы понаехали, дубинками толпу разгонять стали. Больше всех зоофил пострадал. В суматохе аквариум у него разбился, и рыбок насмерть затоптали. Он дохлых рыбок в ладони собрал, на щеках слезы, а в глазах невыразимый укор: «Люди, вы же хуже, чем звери!»

Один мазохист как следует оторвался. Омовцы еле от него отбились. То по спинке ему пройдишь, то по животику.

Мне тоже досталось. Ладно, облапали всю, ладно, юбку порвали, но главное, стыдно и сказать, что с женщиной учинили... Вы их палки-то видели?! Представляете, и вот этой палкой женщине не куда-нибудь, а промеж лопаток.

Нет, с меня хватит, не хочу больше женщиной быть, хочу обратно, на обойную фабрику. Бабы и так несчастные, а если еще и мы, мужики, обоим им клеить перестанем!

Ну все, побегу, а то мне еще домой забежать надо, хочу успеть перед сменой жене Любе самые красивые обои поклеить.

Телевидение, Как Оно Есть

Как Берут Телеинтервью

Ведущий. Добрый день, дорогие телезрители. Сегодня у нас в гостях человек, которого... э-э-э... я надеюсь, никому представлять не надо.

Гость. Да уж, пожалуйста, не надо.

Ведущий. Первый вопрос, вероятно, покажется вам нескромным. Не могли бы вы рассказать про свою личную жизнь?

Гость. Очень интересный вопрос, спасибо, что вы его задали. Кстати, я давно хотел на него ответить, но все как-то не было случая. А теперь отвечу со всей присущей мне прямотой. Не мог бы.

Ведущий. Гм. Любопытно. А вот другой вопрос, который чрезвычайно интересует наших телезрителей. Я просто обязан задать его в свете сегодняшних событий. Вопрос... э-э-э... про вашу личную жизнь.

Гость. Прямо скажем, неожиданный вопрос, невыразимая вам за него благодарность. У меня просто нет слов, как я растроган. (Плачет.)

Ведущий. Даже и не верится, что такое случается в личной жизни. Это урок нам всем. Кстати, к нам в редакцию приходит множество писем и звонков с одним и тем же во-

просом. Вот, например, товарищ Крупный из города Мелкий интересуется вашей личной жизнью.

Гость. Спрошено не в бровь, а в глаз. Я искренне признателен товарищу Мелкому из города Крупного, что он затронул эту животрепещущую тему...

Ведущий. Извините, что я вас прерываю. Время нашей передачи неумолимо движется к концу, а телезрителям хотелось бы еще так много узнать про вашу личную жизнь. Но сейчас мне хочется задать традиционный вопрос передачи. Вы, конечно, догадались, о чем он?

Гость. Похоже, сейчас пойдут вопросы о моей личной жизни?

Ведущий. Вот именно. Как у вас с нею обстоят дела?

Гость. Да. Каверзный вопрос. Я давно его ждал. И, представьте, даже на бумажке основные моменты выписал. Она у меня вот в этом кармане. Показать?

Ведущий. Спасибо, спасибо, не надо. Наши телезрители верят вам на слово. И в самом конце хотелось бы услышать еще вот о чем...

Гость. Вот-вот, давно пора рассеять все небылицы и нелепицы, которые распространяют недоброжелатели про мою личную жизнь.

Ведущий. У нас осталось полминуты, в двух словах, если можно.

Гость. Если в двух словах, то это тема отдельной передачи или даже цикла передач. Такой вот ответ, если говорить

вкратце.

Ведущий. Исчерпывающе! Что же, спасибо нашему гостю, что он нашел время заглянуть к нам на огонек. К сожалению, мы так и не успели задать ему вопроса о его личной жизни.

Как Делают Телепередачи

Автор. Старички, до эфира осталось три дня, срочно нужна чумовая идея для передачи.

Режиссер. Есть идея! Едем в Париж, снимаем на Монмартре проституток, и полчаса чумовой нарезки я вам гарантирую.

Автор. Что-то в этом есть, но пока слабовато. Кстати, анекдот. Приходит мужик к психиатру...

Сценарист. Стоп! Кстати, о психиатрах. Есть гениальная идея. Запуск Лени Голубкова в космос. Валера, звони в «МММ».

Автор. Алло! Это «МММ»? Телевидение беспокоит. Мы тут решили вашего Леню Голубкова в космос запустить... Да нет, натурально. Бортпроводником... Куда идти?.. Вместе с Леней? Тогда извиняйте.

Режиссер. А жаль. Представляете, мы с проститутками на Монмартре, и вдруг с неба спускается Леня Голубков. Чумовой эфир!

Автор. Старички, шевелите мозгами. Кстати, пока вы ими шевелите, приходит монашка на исповедь...

Сценарист. Подождите! Кстати, о монашках. А что, если какого-нибудь политика на кресте распять. Не насмерть, конечно, а так, для имиджа. Валера, срочно звони Явлинскому.

Автор. Алло! Григорий Алексеевич? Телевидение беспокоит. Мы тут решили вас на кресте распять. Вы как? Не волнуйтесь, гвозди прокипятим, крест отполируем... Спасибо. Я там сегодня уже был...

Режиссер. Обидно! Как представляю: мы, Монмартр, институтки, а посередине распятие. Чумовая картинка!

Автор. Ну, старички, давайте же, думайте. Кстати, анекдот, приезжает муж домой...

Сценарист. Идея! Я про мужа и жену вспомнил. А что, если Пугачевой предложить трон Российской Империи. Устроим натуральную коронацию. Чем она хуже Екатерины Второй? Валера, звони.

Автор. Алло! Алла Борисовна?... Что?... Понял. Спасибо за совет. Непременно схожу...

Режиссер. Вот облом! Ну не хотят люди на Монмартр. А были бы не знаменитостями, а бомжами, тут же согласились бы.

Сценарист. Может, и правда предложить какому-нибудь бомжу до Парижа прогуляться.

Автор. Старички, вы гении! Только представьте – московский бомж в парижском публичном доме.

Сценарист. А что, если он идти откажется?

Режиссер. Да и черт с ним! И без него там справимся!

Автор. Кстати, анекдот. Приходит мужик в публичный дом...

Как Делают Телерекламу

Режиссер. Так! Какую рекламу снимаем сегодня?

Ассистент. Сценарий предельно прост. На экране рвется кусок ткани, за ним стоит обнаженная девушка с бутылкой водки в руках. С улыбкой она должна сказать: «Водка, от которой не рвет!»

Режиссер. Что за идиот придумал этот сценарий?

Ассистент. Утверждено самим заказчиком.

Режиссер. Ну, если сам заказчик... И вы говорите, с таким воображением они делают большие деньги? Ладно. У вас все готово?

Ассистент. Все, за исключением оператора.

Режиссер. Действительно, какие пустяки! Подумаешь, оператор. Да мы сейчас любого с улицы пригласим, пускай снимает. Где этот душегуб?

Ассистент. Здесь, но от принятого вчера он на грани коматозного состояния.

Режиссер. Ох, уж мне эти непризнанные гении! Ладно, поднесите его к окуляру камеры и пусть его кто-нибудь там придерживает. Так! Репетируем. Ведите модель... О Господи, кто это?!

Ассистент. Модель.

Режиссер. Модель чего, паровоза?

Ассистент. Утверждено самим заказчиком. Говорят, что она их удовлетворяет.

Режиссер. Ну, если удовлетворяет... Тишина в студии! Дубль первый. Внимание. Камера!.. Так, хорошо. Рвется ткань, появляется бутылка и девушка с улыбкой на лице... Стоп, стоп! Деточка, я сказал улыбка, а не предсмертная гримаса. Ты что, первый раз раздеваешься перед камерой?

Модель. Да. А откуда вы знаете?

Режиссер. Мда! Внимание, дубль второй. Мотор! Так, хорошо. Ткань, бутылка, улыбка... Стоп! Стоп! Деточка, скажи, тебя часто в детстве били чем-нибудь тяжелым по голове?

Модель. Часто. А как вы узнали?

Режиссер. Мда! Ну, хорошо. Попробуем по Станиславскому. Идем от роли. Что у нас в руках? Бутылочка, предположим, молока. Ты несешь ее своему ребенку. Не будешь же ты с такой зверской рожей кормить собственное дитя?

Модель. А откуда вам про ребенка известно? (Плачет) Мой маленький Андрюша! Если я не получу денег с этой рекламы, он умрет от голода.

Режиссер. Срочно, бухгалтера сюда! Выдать ей постановочные и гонорар вперед.

Модель. (Светясь от счастья.) Спасибо! Вы первый, кто отнесся ко мне по-доброму в этом сумасшедшем городе.

Режиссер. Замри. Вот такое счастливое лицо мне и нужно.

Все по местам, снимаем. Мотор!.. Стоп! Я сейчас кого-нибудь убью. Кто там раньше времени рвет ткань?

Ассистент. Это не ткань, это оператор.

Режиссер. Ладно, меня и самого уже тошнит от этой рекламы. Перерыв на полчаса! Кто-нибудь, сбегайте за пивом для оператора. Да! И постарайтесь хоть пива купить, от которого не рвет.

2. Смешной Народ

Она

Ну вот, опять мы добрались до постели. Когда этот разврат только кончится, я не знаю. Хотя вы будете свидетелями, моим попыткам избавиться от нее не найдешь конца.

От входной двери в спальню тянется прерывающийся след из пальто, носков, чулок и нижнего белья. Досадно! Опять, уходя ночью, я не найду какого-нибудь носка или, как в прошлый раз, трусов. Трусы обязательно должны быть яркой расцветки или хотя бы светиться по ночам, чтобы в темноте их было легче разыскать.

«Подожди, не торопись так. Дай же мне перевернуть страницу пособия! Ага, эту ногу надо держать вот так, а вторую вот так. Стоп! Я, кажется, запутался. Давай все сначала. Тут написано, вывернуть бедро наружу... Зачем так кричать?! Я же еще не начал самого главного».

Нет, все-таки слабый я человек. И три главные мои слабости: к еде, сну и женщинам. Она знает это и бесстыдно использует.

Ах, как она готовит! Еда – это ее оружие массового поражения. Всякое сопротивление бесполезно. Она без промаха бьет по самому больному и уязвимому у мужчины – по жи-

воту. А надо заметить, все в жизни, кроме еды, вызывает у меня безразличие и тоску. Еда – единственное, что дает мне уверенность в себе, толкает на духовные проявления и наполняет этот мир хоть каким-то содержанием.

И каждый раз, как я набираюсь решимости сообщить, что я ухожу от нее, она предлагает прежде подкрепиться. После небольшого пиршества я превращаюсь в одно большое и доброе лицо с заплывшими глазами. Тихо, чтобы не спугнуть поглощенную пищу неосторожным движением, дыша через раз и волоча щеки по полу, я отползаю от стола. Сил хватает только, чтобы доползти до постели, где она уже в нетерпении поджидает мое упитанное тело. Она медленно меня раздевает и приступает к своей трапезе. И если бы не моя бдительность, она бы давно сожрала меня целиком. Часто, просыпаясь по ночам, я слышал ее аппетитное чавканье и видел, что ноги уже обгрызены по коленку. Хорошо я такой здоровый, и к утру у меня вырастали новые.

«...Так, а теперь встань на четвереньки и покажи мне язык. Тут написано, что таз должен быть выше плеч. Я сказал, выше! Еще выше!.. А-а-а! Осторожнее! Я же так задохнусь».

А как она плачет?! О, она умеет правильно плакать. Чувствуя, что я собираюсь сообщить о нашем разрыве, она бросается на диван реветь, и юбка ее задирается ровно настолько, сколько нужно моему проклятому воображению, чтобы тут же на диване ее и захотеть.

В юности я полагал, что секс – самое главное в жизни. Теперь я стал старше и убедился, что так оно и есть. Жизнь с точки зрения секса можно поделить на несколько этапов. Детство, которое сменяется юностью, потом юность уходит, приходит секс, потом приходят дети, потом снова приходит секс, потом приходят внуки, потом снова приходит секс, который должен плавно завершаться все тем же детством.

Ее же энтузиазм в постели не сравнится ни с чем. Наш секс с ней больше похож на непримиримую борьбу. Мы боремся с сексом каждый день. И в такой позиции с ним боремся, и в другой боремся. И она, похоже, готова погибнуть в этой неравной борьбе, но не сдастся никогда.

Я же стал уставать от дикости и изощренности в постели. Все чаще хочется простого и понятного секса. Прийти вечером с работы, поужинать, почитать или посмотреть телевизор, лечь в темноте в постель, нащупать рядом теплое и живое тело и тихо, не производя лишних движений, закончить трудовой день.

«...Как все же трудно выбрать одну из существующих в сексе трех тысяч пятисот восьмидесяти семи позиций. Постоянно приходится ломать голову. Просто не секс, а Академия наук какая-то...»

Избавиться от нее я пытался разными способами. Но она оказалась хитрее, чем я думал. Ей невозможно опротиветь ничем. Я напивался в лоскуты – она, как ни в чем не бывало, взваливала меня на свои хрупкие плечи и тащила до

дому. Вконец обессилив от неподъемной ноши, она бросала меня на улице и, проклиная последними словами, делала вид, что уходит. Но я и не думал расстраиваться. Как только ко мне начинала приглядываться какая-нибудь добрая женщина, интересуясь, не надо ли мне помочь куда добратся, она объявлялась тут как тут. И еще долго по окрестным дворам разносились ее ругательства в адрес обнаглевших баб. «Безобразие! Мужика на пять минут без присмотра оставить нельзя!»

«...А теперь встань вверх ногами и отпусти руки. Не бойся, я же держу!...»

Ну вот, опять уронил ее на голову. Она, кстати, и виду не подавала, что больно. Ослаб я что-то за последнее время, надо будет в выходные потренироваться со штангой.

Потом я сменил тактику и решил сделать все, чтобы быть застигнутым врасплох ее мужем. Я наплевал на наш условный знак – «женские трусики в окне» и врывался к ней в квартиру, зная, что он точно там. Не давая опомниться, я хватал ее на руки, тащил в постель и дико орал, кончая. Муж упорно не появлялся. Тогда я начинал бегать в одной майке и носках по квартире, заглядывая под все кровати и распахиная шкафы, изображая свихнувшуюся от желания насиловать все, что еще движется, гориллу. Однако, что я ни делал, ему не удалось застигнуть нас вдвоем. Куда она его прячет, я так и не смог определить.

«...Так, эту грудь я беру в левую руку, а вторую... Стоп!

Халтурщики, они забыли написать куда девать вторую!..»

И ведь мне не к чему даже прицепиться. Она никогда со мной не спорит, никогда не показывает свой характер. Я могу часами доводить ее намеками на мои похождения с другими женщинами, ее молчание становится только упорней. Но я-то вижу, как она до обморока ревнует меня ко всему, что не является ею. Она ревнует меня к женщинам, мужчинам, животным, вещам и воспоминаниям. Из ревности она отравила последовательно трех моих кошек. В отместку мне пришлось спустить в туалет ее любимую канарейку.

«...Ну а теперь походи по мне, а потом побудь моим одеяльцем...» Как мне все-таки тепло под ней! Плутовка, она так приучила меня к себе, что я уже давно разучился вырабатывать тепло, когда ее нет рядом. И если она теперь перестанет греть меня, то я, возможно, просто окоченею и умру.

И я всегда спрашиваю у себя: ну что, скажи, зажавшаяся сволочь, тебе еще надо?! Какого еще ляда, упрямая скотина, тебе не хватает?! Посмотри кругом! Ведь такие женщины на дороге не валяются. Ведь сдохнешь, лучше не найдешь.

Тем не менее я собрал остаток сил и решил использовать последний мой шанс, а именно – применить способ ящерицы.

Сначала я отбросил одно ухо, потом у меня выпал один глаз. Но она, как ни в чем не бывало, продолжала любить меня, утверждая, что так даже лучше – у нее будет меньше конкурентов. Но я уже не мог остановиться, я уже увлекся

процессом распада.

Нога долго волочилась, но в конце концов отпала и она. Потери преследовали меня одна за одной. Все тело покрылось гноящимися язвами, и тогда я понял, что конец уже не за горами. Жить осталось немного, и я решил посвятить остаток минут созданию бессмертного творения, чтобы рассказать о ней. Она – все! Жизнь без нее бессмысленна. Жизнь с ней все так же бессмысленна, но зато много приятней. Она лишает сил, которых становится бесконечно много. Она – Черная Дыра. Противиться ее притяжению уже не в силах ничто, кроме, быть может, меня. Но и мне осталось недолго. Скоро отвалится вот это, а сразу потом откажется голова. И некому будет проснуться, чтобы облегченно вздохнуть и радостно возопить, какой только нелепый ужас не приснится этой дурацкой башке!

Я вздрагиваю и просыпаюсь. Пошарив в темноте рукой, я с тоскливой радостью нахожу ее рядом. Может, придушить ее подушкой? Нет, я успею это сделать всегда. И с этой счастливой мыслью я снова засыпаю.

Из Зазеркалья

Осторожно, стекло! Не слышат, паразиты. Стекло – это я. А точнее не стекло, а зеркало, и не какое-нибудь, а венецианское старинной работы. И сейчас трое бухих грузчиков вносят меня вверх по лестнице дома моих новых хозяев. Приближается угол. Ну все, сейчас грохнут варвары. Ух! Слава Тебе, проехали! Да! Как хрупка все же жизнь!

Что ж, осмотримся на новом месте. Как будто неплохая квартирка, не самая худшая из мною виденных. И хозяева с такими интеллигентными лицами попались – отразить приятно. Пыль протирают регулярно, рож не строят и прыщей не выдавливают – едят, видно, в меру.

А я, должен сказать вам, на своем веку насмотрелся всякого. Столько рож, сколько мне в жизни отразить пришлось и вообразить будет кому тяжело. Одних прыщей гору насыпать можно, да еще и детям останется. А сколько бородавок и сказать невозможно. Просто какой-то лес бородавок! Океан бородавок! Вся Вселенная – дом родной для бородавок!

Но на меня-то не особенно попеняешь, если образ свой не особо удовлетворяет. Не смотришь! Но ведь не обойдешься без меня никак. У всех во мне нужда. Подбежать с утра и проверить, не сильно ли ты за последнее время изменился, не прибавилось ли морщин, не падают ли чересчур волосы, и не слишком ли они же начинают торчать из носа и ушей.

А как там насчет цвета и свежести? И главное – смотреться почаще, чтобы успевать привыкнуть к изменениям. Ведь если постепенно, то вроде как бы и ничего, вроде и жизнь вполне сносна. Как будто и не движешься к моменту выноса вперед ногами.

Вот и той девчонке, что теперь каждое утро в меня смотрится, не повезло. Мамаша с папашей в свое время удружили – при такой фигурке ласточки и родить ее с пурпурным в полщеки пятном. Согласен, пустяки какие. Но ведь то, что для парня было бы небольшой неприятностью, эти девчонки умудряются превратить в трагедию всей жизни.

Ну не дура? Портить себе настроение из-за подобных мелочей. Видели бы вы ее, простите за нескромный взгляд, когда она готовится отходить ко сну. Я вам скажу, это линии! И надо же быть такой клушей, чтобы объявить себя в этой жизни запасной.

Да кто вообще сказал, что женщина должна быть с лица красивой? Видели мы этих красавиц! Посмотришь вечером на такую в свете каких-нибудь канделябров да еще после пары бокалов шампанского, конечно, обомрешь. Красавица – хоть тут же от счастья сдыхай! А как утром проснешься, так на ту же русалку лучше вблизи вообще не смотреть – можно разучиться смеяться навсегда.

А эта по вечерам раздевается и не знает, какие тут у меня внутри страсти по ней разыгрываются. Ведь когда эти девчонки уверены, что за ними никто не подглядывает, нор-

мальными же сразу людьми становятся, без этих их идиотских ужимок и кривляний.

Нет, девушке надо с внешностью помочь. Хотя абсолютно точно известно, что за такие штуки зеркалу могут и по ушам надавать – мало не покажется. Но неужели за столько лет честного отражения действительности я не заработал на одну-единственную фантазию. Ведь и за одним человеком обещаниям устанешь, а ты попробуй поотражай сумасшедшую муху в пустой комнате, когда это никому не нужно, а муха нагадит только. Или целый день копировать какой-нибудь ободранный шкаф, которому твои старания, как мертвому медаль.

Но кем бы представиться получше, чтобы она поверила словам? Девушкой представляться нельзя – они своим в последнюю очередь верят. Умудренным опытом старцем – как-то неудобно голышом из зазеркалья вылезать. Что ж, не останется ничего умнее, как обрести облик молодого красивого мужчины.

Какие они там, красивые мужики? Ага, значит, так: прямой нос, волевой с ямочкой подбородок, изо рта пахнет бананами... Так, вроде пока ничего получается. Грудь пусть будет слегка волосатой – как любила говорить одна моя очень бойкая в этом смысле хозяйка, мужчина должен быть не волосатым, он должен быть пушистым.

Вот сейчас она отложит книгу, выключит свет, тогда и появлюсь. Все, пора выбираться... Увидела, под одеяло ныр-

нула, одни глаза торчат.

– Не бойтесь, девушка! Клянусь, я не причиню вам вреда!

– А я и не боюсь. Вы кто, полтергейст?

Каким-то еще «полтергейстом» обзывается...

– Я – как можно, посмотрев на меня, заметить, зеркало...

– Стоп! Разве бывает зеркало с волосатой грудью? – То есть мужчина... Ну, в общем, и то и другое.

– А что вам от меня нужно? Отвечайте, а то я сейчас на весь дом закричу.

Зачем кричать? Я только затем и материализовался, чтобы сообщить, что ты самая красивая девушка, которую я когда-либо отражал. Такая красивая, что я влюбился в тебя без задних ног, то есть без ума в голове. Да и вообще, чего это мы так долго разговариваем? Лучше подвинься, а то я уже замерзать начинаю. Ты же не хочешь, чтобы твое зеркало скрутил радикулит?

Во дает! Сейчас от смеха скончается. Чего это она?

– Девушка, вас что, мужики настолько замучили, что мне придется еще кого-то здесь упрашивать?

– Простите, это у меня от неожиданности. Я-то понимаю, что я сейчас немножечко подвинулась в уме, но я не могла предположить, что только для того, чтобы наконец услышать от мужчины признание в любви.

– Пусть это будет только бред, но я в самом деле влюбился в тебя.

– Но ведь я же уродлива. Разве вы этого не видите?

– Кто тебе это сказал?

– Да вы же и сказали. Вы же сами меня отражали в себе, если верить тому, что вы – зеркало.

– Мало ли что я отражал! Мужчинам вообще нельзя верить.

– Но зеркалу-то можно.

Придется этой дурочке кое-что показать.

– Подойди, моя девочка, к зеркалу и взгляни на себя внимательно.

Вот это резвость. Настоящая лань. Розовые подошвы так и замелькали. Не верит своим глазам.

– Кто это?!

– Ты.

– А где же пятно?

– Ты это о чем?

– Ну пятно, вот здесь, на правой щеке. Куда оно подевалось?

Чего-то никакого пятна не припомню. Тебе, наверное, что-то нехорошее приснилось. Какие-то пятна? Насколько помню, ты всегда такой красавицей и была.

Вас никогда не душили в объятиях? Надо сказать, презанятное ощущение. А дальше долго рассказывать нечего. Она смутилась от своего радостного порыва, попыталась освободиться из моих объятий, но не на того напала.

Здесь я на время приостановлю отражение происходящего. Любое зеркало охотно порасскажет вам таких сцен тыся-

чу – спросите только. А эту ночь я оставляю для себя и моей девочки...

Под утро она все же задала мне вопрос, который, похоже, не избежал еще ни один мужчина:

– Ты теперь навсегда останешься со мной?

Что мне было еще отвечать?

– Я сделал тебя красивой женщиной, теперь все в твоих руках. Ты сможешь вскружить голову любому мужчине, хотя, к сожалению, мой опыт говорит, что красивая женщина куда более одинока любой из своих менее привлекательных сестер. Но так или иначе, то, что я считал нужным совершить в жизни, я сделал и должен вернуться в зазеркалье.

– Не возвращайся туда. Зачем тебе быть зеркалом? Оставайся со мной. Я буду тебя сильно, сильно любить.

Эти женщины никогда не согласны на часть – хоть тресни, подавай им целое.

– Послушай, девочка. Я создан на этой земле быть зеркалом и только им могу оставаться. Я даже еще не знаю, каким боком мне выйдут сегодняшние подвиги. Искажать действительность, как с твоей внешностью, нам строжайше запрещено.

– А я тебя не отпущу. Я боюсь, что, если ты исчезнешь, все опять вернется на свои места.

– Судя по тому, какие изменения произошли с тобой этой ночью, это вряд ли. Обещаю, что ты теперь сможешь быть счастливой и без меня.

– А если ты – лишь мое заболевшее воображение?

– И эта кровь на твоём бедре тоже заболевшее воображение?

– А это я сейчас проверю...

И откуда она только взяла этот молоток. Девчонка-то оказалась не промах. Мне надо было это предусмотреть.

– Дура, подожди, не делай этого!..

Поздно, она уже засветила молотком в стеклянный проем зеркала. Зазвенело. Впрочем, она здесь ни при чем. Как я и думал, наказание не заставило себя настойчиво ждать. И нечего теперь рыдать – моей судьбы уже не склеишь.

Да! Разбросало меня после той ночи по свету. Ведь свойство наше зеркальное такое – сколько не дели, отражаем мир все равно, как есть. Большинство осколков, конечно, под землей без света сгнуло. Части досталось занятие не из приятных – отражать по помойкам и свалкам всякую дрянь. Кто-то тихо лежит в травке, наслаждается небом и развлекается насекомой ратью. Но все искупает самый большой кусок, что она оставила у себя, вставив в красивую рамку.

И хотя пятно у нее все там же, на правой щеке, она счастливо вышла замуж за хорошего парня. У нее растет прелестная девочка. Но время от времени она совершает странный обряд. В отсутствии мужа, она достает из укромного места неправильной формы зеркало, пристально всматривается в него, целует, кладет к себе на живот и долго-долго так лежит, о чем-то вспоминая.

Кирпич

Ровно в шесть часов тридцать минут пять секунд вечера в самом центре Москвы из-под крыши аварийного дома номер четыре по улице Грановского сорвался кирпич, сопровождаемый порядочным куском штукатурки, а в шесть часов тридцать минут восемь секунд он уже нанес моей голове сокрушающей силы удар, от чего в ней испортился какой-то механизм, ответственный за нормальное восприятие мира.

Я не почувствовал никакой боли, но с удивлением заметил, как издевательски медленно к моим глазам стало приближаться асфальтовое покрытие улицы, в котором я вдруг стал различать мельчайшую структурную подробность. У меня даже сложилось впечатление, что я падаю лицом вниз не единойжды, а несколько раз подряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.